

Коллаж: ОВД-Инфо, фотографии: социальные сети Валерии Гнусаревой, Ксения Максимова

22.02.2024, 16:43

свой опыт

«Я сказала: раздевать и обыскивать себя не позволю»

**Монолог Валерии Гнусаревой, 83-летней
учительницы, задержанной на панихиде
по Алексею Навальному у Соловецкого
камня в Санкт-Петербурге.**

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

English version

«ЗНАЕТЕ, ВЫ ДУШУ МОЮ НЕ РАСТОПЧЕТЕ»

[Об убийстве Алексея Навального] я узнала днем того 16 февраля. Увидела в канале у [журналиста] Александра Плющева. Я была настолько расстроена, что ничего не могла делать — душили слезы.

Я очень уважаю Навального. Я знаю столько людей, которые его презирали, какие только гадости о нем не говорили! Что это — зависть? Не понимаю. Для нашей семьи, меня и моей дочери, он значит очень много. Узнав, что с ним случилась беда, я сразу подумала, что его убили или отравили. Еще 15-го числа у него был суд, и он на нем выступал. Как [Борис] Немцов, который незадолго до смерти был на «Эхе».

Все это было очень неожиданно, хотя, конечно, он сидел в ужасных условиях, над ним так издевались, власти мечтали скорее стереть его с лица земли, чтобы он им не мешал. И кто теперь заменит этого человека? Я сейчас слушала Жанну Немцову, и она тоже задавалась этим вопросом: кто сможет заменить Алексея, который всегда был с улыбкой, как бы ему ни было горько. «Привет, это Навальный!»

Я выхожу на акции и марши, начиная с перестройки. Едва узнав о смерти Алексея, я поняла, что не останусь дома. Потом прочла, что священник Григорий Михнов-Вайтенко проведет панихиду. Я заранее сделала плакат: собираю вырезки из журналов и среди них нашла его фотографию, улыбающегося мальчика (речь об Алексее Навальном — *ОВД-Инфо*). И написала: «Он не умер. Его убили».

Ранним утром 17 февраля я купила розы и поехала [к памятнику жертвам политических репрессий — Соловецкому камню]. Дочка в это время была на работе. На улице было невозможно скользко, я добиралась очень долго, едва не ползком.

Подошла — вдалеке стоят полицейские. Так как я уже искушенная, развернулась, чтобы они не видели меня с плакатом. Я еще ношу на сумке значок «Нет войне». Каждый в метро, в автобусе обращает внимание. Однажды молодой человек в метро сорвал его и стыдил на весь вагон: мол, какое я имею право выступать? Я начала его поднимать, он оттолкнул меня и начал топтать этот значок. Я сказала: «Знаете, вы душу мою не растопчете». Хорошо, что не сдали никуда. Сделала новый значок, снова прикрепила.

«НЕ ДОТРАГИВАЙТЕСЬ ДО МЕНЯ, Я ПОЙДУ САМА»

[У Соловецкого камня] людей было много, шли друг за другом, возлагали цветы, все было нормально. И полицейские стояли вдалеке, не подходили. Вдруг вижу, начали окружать. Рядом со мной стояла такая симпатичная девочка. Как я позже узнала, зовут Варя, ее задержали вместе со мной. У нее был плакат «Не сдавайся!». Я подошла к полицейским, спросила: «Почему вы девочку забираете?»

Через какое-то время подошли и ко мне. Я не успела убежать. Когда полицейский меня повел, я попросила не тащить. Там кругом была вода по щиколотку и скользко, а он тянул меня по лужам. Я сказала: «Не дотрагивайтесь до меня, я пойду сама, никуда не убегу». Когда меня арестовывают (Валерию Андреевну уже неоднократно **задерживали** на акциях в Санкт-Петербурге — *ОВД-Инфо*), я всегда прошу меня не трогать — брезгую.

Задержание Валерии Гнусаревой у Соловецкого камня, Санкт-Петербург, 17 февраля 2024 года / Фото: [MR7](#) | [Новости Петербурга](#)

Нас 19 человек в этом автобусе сидели, в закрытой маленькой конуре. И все такие прекрасные! И художники, и поэты, и писатели, и кинорежиссеры. Я попала в такую компанию, к таким чудесным людям! И [сын] Арсения Рогинского [председателя правления Общества «Мемориал»] тоже был вместе со мной арестован, он был такой растерянный, как ребенок. Мы сидели в автозаке с половины первого дня — около часа. Потом нас повезли в отделение. Приехав, стояли еще около часа.

Вывели меня и еще одну женщину 1950 года рождения. Нас сразу завели в комнату, куда пришли три женщины, молодые девочки. Одна постарше и две совсем молоденькие. Нас начали заставлять раздеваться, чтобы провести обыск. Я сказала, что этого не сделаю: раздеваться и обыскивать себя не позволю. Сказала, что у меня есть человеческое достоинство.

Но женщина, с которой меня вывели, разделась до майки. У нее были домашние брючки на шнуровке, шнурок

не вынимался — его отрезали. Она осталась в штанах, которые сваливались. Представляете, какое это унижение? Я сказала: «Девочки, как вам не стыдно? Я — учитель, у меня занималось столько детей, я никогда не видела такого!» Я 40 лет работала учительницей начальных классов, «отличник народного образования», это моя любимая работа, ко мне и сейчас ходят ученики. «Нет, раздевайтесь и все». Я сказала, что не буду этого делать. Хоть убейте. «Тогда мы вас сейчас посадим в камеру, и будете там сидеть до суда». Сажайте. И пальцы откатывать я не дам.

Они сказали: «Если вы нам не дадитесь, те, кто сейчас в автозаке, будут сидеть там до тех пор, пока мы вас не обыщем». Мне, конечно, их жалко, но я не могу пойти на это. Через какое-то время они отстали. Пришли какие-то сотрудники, я не знаю их звания, и сказали, что этого делать не надо. И больше никого не обыскивали. Но телефоны все равно у всех отняли.

«МЫ МОЛИМСЯ — ЗА МИР И СВОБОДУ»

Нас стали заводить в комнату, похожую на тренажерный зал для полицейских. Мы сидели там и ждали, они вызывали нас по одному, чтобы составлять протоколы. Потом возвращали в зал. Оказывается, к нам не пускали адвоката. Еду сначала тоже никому не передавали.

Когда ко мне все же попала адвокат, я была ей очень благодарна. Она посмотрела протокол, подсказала мне, как себя вести. [Полицейские] сказали, что у меня должен быть суд. Потом меня заставили подписать бумагу, что я отказалась от обыска и откатывать пальцы. За мной приехала дочка, мы стали ждать, когда мне выдадут протокол. Ждали, ждали, ждали — протокола нет. Когда мы спросили, сколько еще ждать, нам сказали:

«Он потерялся, мы не знаем, где он». Так ничего нам и не дали, я ушла без протокола и теперь даже не знаю, в каком я статусе (адвокат **сообщила** ОВД-Инфо, что Валерию Андреевну отпустили без протокола).

Все это длилось до девяти часов вечера. Потом полицейские сказали, что посадят нас в свою машину и отвезут домой. Мы отказывались, мы не желали этого. Они сказали: «У нас приказ». Мне не было страшно. Но я боялась за молоденьких, которые были в участке в первый раз. Когда я выходила оттуда, их как раз заводили за железную дверь и стали разводить по камерам — мальчиков, девочек и мужчин, — а там ужасно, там не на чем спать, в этих камерах такие страшные туалеты. Кто-то, видимо, их друзья, принесли им пенки. Мне стало так горько. Не знаю, как у них позже прошел суд: кого оставили, кого — выпустили.

Дай Бог нашей стране. Мне 83 года, когда мне было три, мою маму объявили врагом народа и репрессировали, забрали из дома беременную в 1944 году. Больше я ее не видела и не слышала — она была без права переписки. Незадолго до этого отец вернулся с Финской войны и был весь обморожен. Нас осталось трое детей. Сестре — тринадцать, брату — десять. Мы были во вшах, в голоде и холоде, никому не нужные. Я ничего прекрасного не видела, кроме перестройки, когда я немного вдохнула воздуха, — тогда все стало по-другому, а потом скатилось туда же, стало еще хуже.

Я — католичка. Я все время за наших священников боюсь, говорю им: «Будьте осторожны, люди ведь разные!» Когда я вошла в церковь, наши священники так меня встретили! Я спросила, правильно ли поступила, они сказали: «Да. Ведь Господь Бог сказал, что люди должны быть свободными, должен быть мир». И мы молимся — за мир и свободу. И обязательно — за политзаключенных.

Записала Марина-Майя Говзман

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

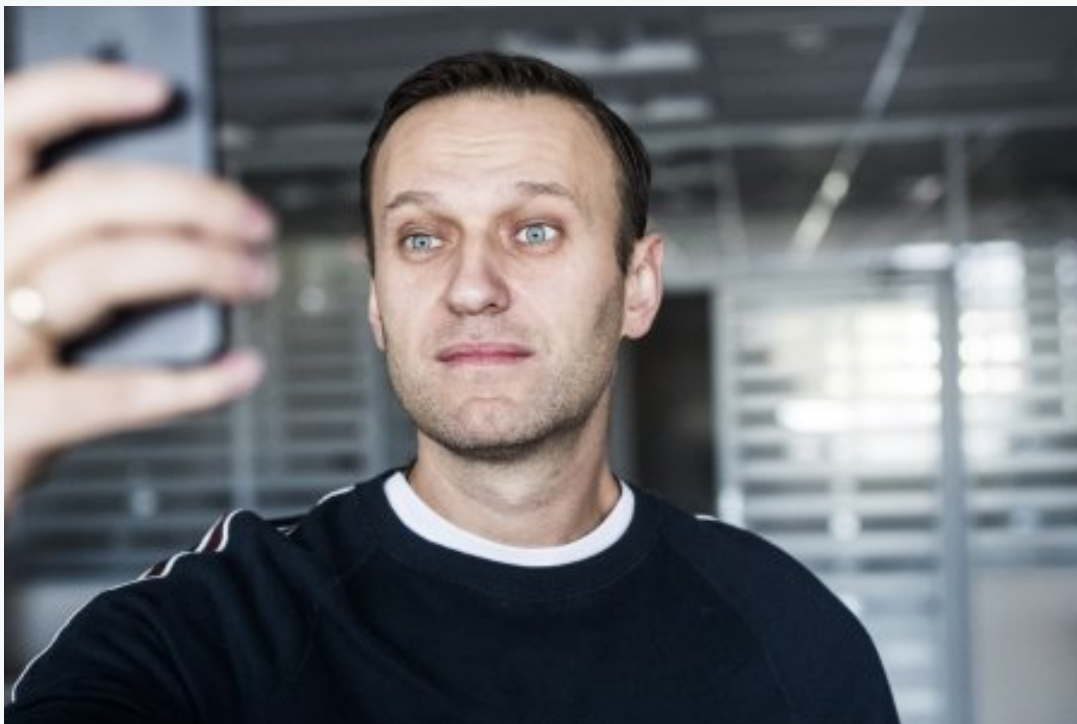
Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Ещё почитать

17.09.2025 Другое, Ямало-Ненецкий автономный округ

Две лаборатории подтвердили отравление
Алексея Навального

**Человек, который верил в людей. Читатели ОВД-Инфо
об Алексее Навальном**

И о том, что он для них значил.

«Родина и государство для меня понятия разные».
История преподавательницы Натальи Таранушенко —
два года доносов, уголовное дело и эмиграция
Пропаганда в школах, неугомонные жалобщики
и «патриотическое воспитание».

Меня избили полицейские

Убийство Навального. Задержания и другое давление
350 новостей и текстов по теме